

Шэнь Цзуннянь наконец оторвал взгляд и посмотрел в окно. Мимо мелькали деревья. Небо по-прежнему было окрашено в густой, непроглядный тёмно-синий цвет, а фигура в зеркале заднего вида уже давно исчезла из виду.

Впрочем, Шэнь Цзуннянь смотрел недолго, вскоре снова уткнувшись в экран ноутбука. Из-за разницы во времени в его почтовом ящике скопилась гора непрочитанных писем, на которые он принялся методично отвечать.

Пока он изучал таблицы и отчёты, в мессенджере то и дело всплывали уведомления о новых сообщениях. Пальцы Шэнь Цзунняня замерли над клавиатурой. Он бросил взгляд на часы — с момента их отъезда прошло меньше сорока минут — и решил проигнорировать их.

Чуть позже отправитель сообщений, судя по всему, снова уснул, и экран перестал мигать. Работать Шэнь Цзунняню стало куда спокойнее и продуктивнее.

Когда они проезжали городок Лейден, погода начала стремительно портиться, метель усилилась. После того как их «Роллс-Ройс Гост» миновал обледенелый мост через реку, машина начала терять скорость.

— Что случилось? — Шэнь Цзуннянь явно почувствовал, как кузов затрясло, а на поворотах машину начало заносить.

— Молодой господин, ветер усилился, машину слегка водит, да и двигатель барахлит. Давайте я припаркуюсь у обочины и посмотрю, в чём дело.

— Хорошо.

Чжан Гуансян был опытным водителем. Открыв капот, он какое-то время изучал внутренности, но так и не понял, с какой стороны подступиться. Эту машину прислали из зарубежного филиала, и она сильно отличалась от тех марок, на которых он привык ездить в семье Тань.

Шэнь Цзуннянь как раз дочитал две страницы документа. Заметив, что Чжан Гуансян всё ещё возится, а его плечи уже густо запорошило снегом, он захлопнул ноутбук, открыл дверцу и вышел на улицу.

— Дядя Чжан, дайте-ка я посмотрю, — сказал он, подойдя к капоту.

Увидев, что хозяин вышел лично, Чжан Гуансян испугался и смутился:

— Ничего страшного, молодой господин, я сейчас ещё раз проверю. Вы бы лучше сели обратно в машину, а то вон какой снегопад разошёлся.

Шэнь Цзуннянь отмахнулся. Забрав у него индикаторную отвёртку, он принялся проверять проводку. Сдвинув брови, он совершенно не замечал снега, который щедро засыпал его воротник и спину. В душе Чжан Гуансяна нарастала тревога: вокруг бушевала метель, они застряли в безлюдной глуши. Но, глядя на сосредоточенного и ловко разбирающего детали

Шэнь Цзуннянь, он постепенно успокаивался. Порой казалось, что именно молодой господин Шэнь был родным сыном Тань Чжуншаня.

Шэнь Цзуннянь проверил две линии и понял, что проблема кроется в двигателе и коробке передач. Скорее всего, дело было в слишком высокой температуре замерзания антифриза. Достав из багажника инструменты, он переподключил пару проводов и слил старую жидкость.

Снег валил всё сильнее. Рукава Шэнь Цзунняня уже успели промокнуть, но шарф Тань Юмина отлично грел, словно пара тёплых рук бережно обхватила его за шею, наглухо защищая от холода. И никакая, даже самая свирепая вьюга не могла пробраться внутрь.

Чжан Гуансян уже было собрался в машину за зонтом, когда услышал приказ:

— Поищите в багажнике, нет ли там запасной жидкости для сцепления и масла для коробки передач.

Чжан Гуансян быстро отыскал нужные канистры и передал их ему. Залив новые жидкости, Шэнь Цзуннянь вернул двигатель и коробку передач в рабочее состояние.

Руки Шэнь Цзунняня были по локоть в машинном масле. Открыв бутылку минералки, он вымыл их и сказал:

— Меняемся местами. Дальше поведу я.

Чжан Гуансян никогда не водил в таких экстремальных погодных условиях, а частые переключения передач лишь увеличивали риск трения и короткого замыкания. Разумеется, водитель не посмел позволить молодому господину сесть за руль и начал отказываться. Но Шэнь Цзуннянь не привык повторять дважды. Не вдаваясь в объяснения, он скомандовал:

— Садитесь.

Вторую половину пути за рулём находился Шэнь Цзуннянь. Они приехали в штат N на полчаса раньше запланированного времени. Он сразу заехал на подземную парковку отеля и велел Чжан Гуансяну не рассказывать Тань Юмину об инциденте на дороге.

Встреча с Фелипе проходила в том же отеле, где они остановились. Несмотря на принадлежность к королевской семье, Фелипе был человеком открытым и совершенно лишённым снобизма. К тому же их связывали годы совместной учёбы, так что атмосфера царила вполне дружеская. Первой же фразой, которой он встретил Шэнь Цзунняня, стало преувеличенно-удивлённое:

— Нянь, неужели я дожил до того дня, когда увижу тебя в полном одиночестве!

Шэнь Цзуннянь, потеряв дар речи от такого приветствия, сухо пояснил, что у Тань Юмина другие планы.

— Да ладно? Опять поругались? — не поверил Фелипе.

Шэнь Цзуннянь счёл его невероятно сплетником и ответил:

— Нет.

Тогда Фелипе поинтересовался, чем занимается Чжао Шэнгэ.

— Плавает на лодке, — холодно отрезал Шэнь Цзуннянь.

Говорят, тот строил яхту, лично принимая участие в проектировании. В прошлом месяце он скинул Шэнь Цзунняню целых тринадцать вариантов чертежей. Из-за бесконечных уведомлений Тань Юмин, который как раз тестировал на телефоне Шэнь Цзунняня новую игру, слил несколько каток подряд.

Разразившись проклятиями, Тань Юмин прибежал на кухню к готовившему обед Шэнь Цзунняню за разрешением:

— Я могу кинуть его в чёрный список?

Шэнь Цзуннянь, стоявший с кастрюлей риса, мельком глянул на тринадцать чертежей, отличия в которых приходилось искать с лупой, и равнодушно бросил:

— Удаляй.

И в мессенджере наконец-то воцарилась тишина.

Официант принёс красное вино, и мужчины проговорили о делах почти два часа. Несмотря на то, что они были бывшими однокурсниками, бизнес есть бизнес. Фелипе всегда считал, что иметь дело с Шэнь Цзуннянем куда сложнее, чем с Чжао Шэнгэ. В университетские годы именно Чжао Шэнгэ был центром притяжения всей тусовки китайских студентов. А Шэнь Цзуннянь всегда держался на периферии этих мажористых компаний, отличаясь мрачным и нелюдимым нравом.

По мнению Фелипе, если бы не Тань Юмин, Шэнь Цзуннянь даже не удостоил бы своим вниманием ни одно мероприятие или вечеринку, считая их пустой тратой времени. Да и сейчас Фелипе чувствовал, что Шэнь Цзуннянь стал ещё более властным и жёстким, чем в студенческие годы.

За долгие годы ведения бизнеса в Китае он успел поработать с целой плеядой наследников богатых семей. Чжао Шэнгэ в переговорах предпочитал политику кнута и пряника: тонкий расчёт, мягкость и обходительность, по крайней мере, внешне он всегда оставался истинным джентльменом. Тань Юмин был мастером стратегии «сначала вежливость, потом сила». Он умел запудривать мозги так, что ты таял, словно под весенним солнцем, а когда терял бдительность, обдирал как липку. Шэнь Цзуннянь же действовал прямолинейно и бескомпромиссно. Его прямота означала жёсткий диктат и полное отсутствие пространства для манёвра.

Шэнь Цзуннянь чётко озвучил свою позицию:

— Я рассчитываю не только на то, что «Хуаньту» получит самые выгодные условия. Я хочу, чтобы вы смягчили стандарты и для других китайских предприятий. Это комплексный проект, он требует сопутствующей инфраструктуры.

Улыбка на лице Фелипе слегка померкла.

— Это будет непросто, — медленно произнёс он.

— Знаю, — без удивления кивнул Шэнь Цзуннянь.

Фелипе нахмурился:

— Ты представляешь, сколько времени мы потеряем на этой бюрократии? Уйдёт как минимум год.

Что уж говорить о годе, когда в проектах такого масштаба счёт шёл на миллионы долларов ежедневного оборота.

Но Шэнь Цзуннянь не сдавался:

— В Китае говорят: «Заточка топора не задержит рубку дров». Погоня за краткосрочной выгодой противоречит принципам ведения бизнеса «Хуаньту».

Тёмно-зелёные глаза Фелипе впились в него. Он усмехнулся:

— И это всё?

Шэнь Цзуннянь спокойно выдержал его взгляд. Откинувшись на спинку кресла и закинув ногу на ногу, он с невозмутимым видом позволил собеседнику изучать себя.

— Нянь, я тебя не узнаю, — вздохнул Фелипе.

Оправдываясь необходимостью комплексного подхода и сопутствующей инфраструктуры, Шэнь Цзуннянь на самом деле намеревался использовать этот шанс, чтобы прорвать технологическую блокаду и вывести китайскую промышленность на международный уровень.

В его голосе прозвучали многозначительные нотки:

— Не помню, чтобы ты когда-либо отличался подобным альтруизмом.

Ещё в годы учёбы Шэнь Цзуннянь громко заявил о себе на трёх крупнейших международных чемпионатах по бизнес-моделированию. Будучи капитаном, он железной хваткой, действуя порой откровенно безжалостно и деспотично, вывел единственную китайскую команду в финал, отобрав четыре кубка у студентов-евреев, которые удерживали первенство пять лет подряд.

Однако его циничное отношение к другим командам из азиатского региона, которых он не

задумываясь пускал в расход ради первого места, припоминали ему до сих пор. Умение идти по головам и ставить личную выгоду превыше всего — вот какое впечатление сложилось у всех судей об этом капитане. Казалось, такие понятия, как благородство, взаимовыручка и готовность заступиться за своих, не имели к этому человеку никакого отношения.

— Братся за такую неблагодарную работу, как объединение отрасли, — мягко заметил Фелипе, — это совсем не в твоём стиле.

— У меня нет никакого стиля, — Шэнь Цзунняню было плевать на его оценки. Это прозвучало и как объяснение, и как утверждение. — Я не следую никаким правилам и не пытаюсь соответствовать чьим-то ожиданиям. «Хуаньту» просто делает выбор в пользу долгосрочной перспективы.

В одиночку «Хуаньту» не под силу разрушить технологические барьеры. Новым отечественным отраслям необходимо объединиться в единую мощную структуру, чтобы заявить о себе и диктовать свои условия на мировом рынке.

Фелипе не стал отвечать сразу согласием. Помолчав немного, он приподнял бокал:

— Я могу лишь пообещать, что вынесу это предложение на рассмотрение совета директоров. Будь готов к тому, что они устроят тебе настоящий допрос с пристрастием. Кроме того, проект должен будет пройти через череду оценок и утверждений по международным отраслевым стандартам. Это будет совсем не просто.

— Международные стандарты тоже придумывают люди, — без тени страха ответил Шэнь Цзуннянь.

Эта встреча была скорее предварительной беседой, нежели официальными переговорами, поэтому Фелипе позволил себе говорить более расслабленно и прямо:

— Пусть эти слова останутся между нами. Не дай бог они дойдут до ушей тех стариков.

— Если они не согласятся, можете найти себе других, более подходящих партнёров, — невозмутимо парировал Шэнь Цзуннянь.

Видя его полнейшее безразличие, Фелипе лишь обречённо рассмеялся:

— Ты ведь понимаешь, почему я до сих пор не дал согласия семье Яо?

Шэнь Цзуннянь пригубил вино и вопросительно изогнул бровь.

В последние годы экономика Хайши переживала спад, в то время как корпорация «Хуаньту» сохраняла тесные экономические связи с материковым Китаем. Ещё во времена старшего господина Шэнь Чжунвана, деда Шэнь Цзунняня, корпорация активно сотрудничала с правительством в вопросах экономического и культурного обмена между двумя регионами, а также стояла у истоков соглашения о совместном развитии зоны Большого залива.

Затем «Хуаньту» на несколько лет погрузилась в пучину внутренних междоусобиц. В период, когда власть находилась в руках дядей Шэнь Цзунняня, они разорвали множество контрактов с предприятиями Шэньчжэня и Гуанчжоу, сосредоточившись исключительно на своём клочке земли в Хайши, из-за чего капитализация корпорации резко пошла на спад.

И лишь с приходом к власти Шэнь Цзунняня порядок был восстановлен, а тесное сотрудничество с материком — возобновлено. В отличие от экономики Хайши, державшейся на таких «мыльных пузырях», как игорный бизнес, финансы и недвижимость, Шэнь Цзуннянь делал ставку на стабильность, диверсификацию и устойчивое развитие материковой экономики.

Именно это и стало главной причиной, по которой «Хуаньту» устояла в период нескольких экономических кризисов, сохранив за собой лидирующие позиции. А поскольку разработка энергоресурсов затрагивала жизненно важные интересы государства и общества, Фелипе приходилось учитывать не только финансовую составляющую, но и политические взгляды и связи потенциальных партнёров. За спиной же Шэнь Цзунняня стояли могущественные силы материка.

В последние годы финансирование королевской семьи заметно сократилось, поэтому семья Фелипе возлагала на этот проект огромные надежды:

— Если нам удастся договориться, мы бы хотели, чтобы ты лично занял пост директора по стратегическому развитию.

Шэнь Цзуннянь был единственным человеком, которому он безоговорочно доверял.

Фелипе говорил со всей искренностью и даже был готов пойти на уступки:

— Если за дело возьмёшься ты, мы готовы предоставить эксклюзивную лицензию ещё на два патента.

Шэнь Цзунняню следовало бы отказаться, но после минутного молчания он ответил:

— Я подумаю.

Фелипе с улыбкой поднял бокал, тем самым ознаменовав успешное завершение их встречи. Шэнь Цзуннянь чокнулся с ним и взял в руки телефон, который то и дело вибрировал от входящих сообщений.

Судя по всему, Тань Юмин наконец проснулся и теперь засыпал его всякой ерундой. Писал, что сэндвичи оказались просто отвратительными; спрашивал, в каком чемодане лежат его новые оксфорды; жаловался, что не может найти свои подтяжки для рубашки, и предупреждал, что пока одолжит его, Шэнь Цзунняня...

Шэнь Цзуннянь пробежался глазами по тексту, но ничего не ответил. Его взгляд задержался лишь на последнем сообщении: «Что ты придуриваешься? Где геолокация?». Поколебавшись мгновение, он всё же скинул свои координаты.

— Это Тань Юмин? — спросил Фелипе.

— Угу.

— Будь он здесь, мы могли бы вместе рвануть на горнолыжный склон. Думаю, завтра снега уже не будет.

Фелипе и Тань Юмин познакомились в клубе любителей зимних видов спорта. В те времена Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин не разлучались ни на минуту, словно сиамские близнецы, и Фелипе как-то даже спросил, не встречаются ли они.

Тань Юмин тогда рассмеялся во весь голос и ответил:

— Нет, я не гей, — и, указав на Шэнь Цзунняня, который в тот момент настраивал ему крепления на сноуборде, добавил: — И он тоже.

Фелипе посмотрел на согнувшегося пополам от смеха Тань Юмина, явно не поверив ни единому его слову.

Очаровательные глаза Тань Юмина и его клыки порой придавали ему столь озорной и одновременно дьявольский вид, что становилось совершенно невозможно разобрать, когда он говорит правду, а когда — нагло врёт.

Тогда Фелипе решил удостовериться у Шэнь Цзунняня:

— Это правда?

Уж кто-кто, а Шэнь Цзуннянь совсем не походил на человека, склонного ко лжи и глупым розыгрышам.

Руки Шэнь Цзунняня, затягивавшие крепления, на секунду замерли. Опустив голову, он коротко бросил:

— Угу.

Фелипе остался при своих сомнениях, но за все эти годы они так и не начали встречаться. В конце концов ему пришлось смириться с мыслью, что это и есть та самая пресловутая братская любовь, свойственная исключительно великой восточной державе с её древними традициями и этикетом.